

WORLD CLASSICS BOOKS

ЛЕВ
ТОСТОЙ

Что я видел во сне

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т53

Толстой, Л.Н.

Т53 Что я видел во сне / Л.Н. Толстой. — М. : Т8 Издательские технологии / World Classics Books, 2019. — 356 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76929-2

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Бельмиро де Алмейда «Ссора», 1887, Национальный музей изящных искусств, Бразилия.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76929-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Содержание

ЗАРАЖЕННОЕ СЕМЕЙСТВО	5
Действие первое	7
Действие второе	42
Действие третье	86
Действие четвертое	108
Действие пятое	122
РАССКАЗЫ И ПЬЕСЫ	151
За что?	153
Божеское и человеческое	189
Что я видел во сне	243
Отец Василий	263
Сила детства	273
Разговор с прохожим	277
Проезжий и крестьянин	280
Песни на деревне	291
Три дня в деревне	298
Ходынка	328
Нечаянно	340
Благодарная почва	346

Зараженное семейство

Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Иван Михайлович Прибышев, помещик, 50 лет.

Марья Васильевна, жена его, 48 лет.

Любовь Ивановна, дочь их, барышня, 18 лет.

Катерина Матвеевна Дудкина, племянница их,
девица 26-ти лет.

Петр Иванович, их сын, гимназист, 15-ти лет.

Марья Исаевна, бывшая няня, теперь экономка,
друг дома, из дворовых, 45 лет.

Алексей Павлович Твердынский, молодой
человек, живущий на кондичии у Прибышевых,
из духовного звания, 22-х лет.

Анатолий Дмитриевич Венеровский, акцизный
чиновник, 35 лет.

Приказчик.

Староста.

Лакей.

Мужики.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит в именье Прибышевых.
*(Утро. Гостиная деревенского помещичьего дома.
Перед диваном круглый стол. На столе утренний
чай и кофе.)*

Явление первое

*(Няня вяжет чулок, разливает чай стоя;
Марья Васильевна сидит у стола, пьет чай.)*

Няня. Давайте чашку-то, налью. А то что, право, пить не пьете, только балуетесь. *(Берет чашку.)*

Марья Васильевна *(обиженно)*. Постой, няня, я не допила еще. И что кричишь, точно с ребенком, право. Вот теперь налей. *(Подает чашку.)*

Няня. Стоишь, стоишь, стоишь, стоишь. Одиннадцатый час небось, а еще половину господ не перепоила. Вы откушаете — тут старый барин, тут студент с Петрушей придут.

Марья Васильевна. Какой студент? Студент говорится.

Няня. Не люблю я его, неаккуратный человек, за то он у меня студент. Пустой человек.

Марья Васильевна. А мне он жалок, няня.

Няня. Есть чего жалеть. Сказал ли он доброе слово кому, вот второй месяц в доме — только зубы скалит (*передразнивая*). Всех, кажется, пересмеял (с племянницей с вашей; да девкам от него прохода нет)¹. Нечесанный, а туда же липнет. Я уж Дуняшу научила: как он к тебе станет приставать, ты его по лицу, чтоб с синяком к обеду пришел. Пускай спросят — отчего? Да опять — что ж это? Одевать мы его взялись — что ли? Все постельное белье наше.

Марья Васильевна. Ах, няня, какая ты! Ты подумай, ведь он один, молодой человек, бедный. Я удивляюсь, право, отчего он худой такой?

Няня. Отъестся небось! Придут теперь с Петрушей, напьются; тут Катерина Матвеевна, золото-то наше, с книжкой придет... Отпойшь — ну, слава богу. Только снимешь, опять: кофею! завтракать! тонконогой придет!

Марья Васильевна. Какие ты все прозванья даешь, няня! Это кто ж тонконогой?

Няня. А Анатолий Дмитрия, жених-то Любочкин...

Марья Васильевна. Как ты глупо говоришь. Отчего ж жених? Так, ездит молодой человек в дом.

¹ Ломаными скобками обозначен текст, зачеркнутый Толстым. — *Примеч. ред.*

Няня. Так вы и думаете, что глупее Марьи, няни, нет никого на свете. Кажется, тридцать лет вверху жимши, пора понимать. Что ж он вашего кофею не видал — что из города-то за семнадцать верст каждый божий день ездит. Нет-с, матушка, Любочкино-то приданое все сосчитал небось, так и ездит.

Марья Васильевна. Вот как ты судишь. Первое дело он не жених, а второе — уж вот кто на деньги не польстится. Анатолий Дмитриевич совсем не такой человек.

Няня. Без денег, матушка, в нынешнем веке никто не возьмет, какая красавица ни будь. Только в женихе корысти немного. Так какой-то немудрененький, по винной части служит, не бог знает что. Да и у людей спрашивала, не хвалят. Первое дело — скуп, другое — бахвал.

Марья Васильевна. Это еще какое слово? Как ты сказала?

Няня. Бахвал, матушка. Это по-нашему значит: я, мол, всех прекрасней, всех умней, и, окромя меня, все дураки.

Марья Васильевна. Вот и неправда. Он ученый, писатель. Да что ты понимаешь!

Няня. Только Любочку мне жалко, совсем-то ей голу вкружили.

Марья Васильевна. Может быть, он вовсе не за Любочкой, а за Катенькой ухаживает. Вот как ты!

Няня. Как же, дуру нашли, так я и поверила. С Катериной-то Матвевной побаловаться — это так. Еще она как в Петербурге в гувернерках жила, так к нему бегала, а жениться-то небось он знает, за кем деньги дадут, а за кем ничего.

Марья Васильевна. Катенька знакома была с ним в Петербурге. Ты во всем дурное видишь.

Няня. Да уж так, матушка, как в гувернерки пойдут, так и догувернерются. Это верно. Так-то и Катерина Матвевна.

Марья Васильевна (*смеется и машет руками*). Полно, глупости.

Няня. И то мы замечаем, что во всем доме другие порядки пошли. И барин другой стал, помирнел совсем, и учителя студента взяли вместо немца, и Катерине-то Матвевне волю дали, и детей всех распустили. Все другое стало, все по-новому пошло!

Марья Васильевна. Что ж, и я другая стала? Вот глупа.

Няня. Вы что, вы так, по доброте своей. А вот на барина, так часто дивлюсь... (*Молчит, качает головой и разводит руками.*) Что сделалось? Совсем другой человек. Как вспомнишь прежнее-то: был ли день, чтоб Сашка-камердин без битья одел; был ли староста, чтобы в стан не свозили...

Марья Васильевна. Ну, уж ты расскажешь... Разве очень хорошо было? Совсем не очень хорошо.